

В. ТРОСТНИКОВ. МЫСЛИ ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

Париж. Умса-Press, 1980

«Эта книга адресована людям, испытывающим потребность понять сущность Бытия и смысл собственной жизни», – так начинает свое повествование московский математик В. Н. Тростников. Мрачный пафос этого заявления (пригодного, пожалуй, для предисловия к антропософскому трактату) способен еще долго возбуждать любопытство читателя: что же такое важное и интересное хочет сообщить нам автор? Но увы, утолиться ему не суждено, и сущность Бытия остается для него по-прежнему таинственной.

Книга В. Н. Тростникова не только не оправдывает столь многозначительных обещаний (ибо не отвечает ни на один вопрос, который в ней поднят), но и сама ставит перед читателями весьма непростые вопросы. Например: каким образом могло возникнуть то явное недоразумение, на котором, собственно, и основана вся работа? Или – почему автор зачастую выдает за духовное откровение смесь невежества и апломба? И наконец – в чем же заключается смысл этой книги? Ясно сознавая ничтожность наших попыток по сравнению с поисками смысла жизни, мы, тем не менее, обещаем дать ответ на поставленные нами вопросы.

Книга В. Н. Тростникова посвящена весьма модной ныне в России (после полувекowego перерыва) проблеме – взаимоотношению науки и религии. Не так давно мы узнали от одного из наших ведущих математиков, что не верь он в Бога – не свершил бы ничего дельного и в науке. Тогда же услышали от видного историка науки, что успехам в области гнойной хирургии Лука Войно-Ясенецкий обязан тому же источнику. Но В. Н. Тростников ставит вопрос гораздо смелее: уже не взаимоотношения личной веры с научными достижениями волнуют его, и не то, как религия смотрит на науку. (Противоположный вопрос оставляется, естественно, за журналом «Наука и религия»). В. Н. Тростников говорит от имени *богооткровенной* науки. Да, именно так – наука призвана, по мысли автора, каждым своим открытием, новым экспериментом или законом свидетельствовать о Боге. Именно так она была задумана ее творцами, но за последние триста лет поддалась чарам «идеологии бездуховности», сиречь атеизма, и говорила все не то и не так. И лишь в последнее время наука начинает, наконец, говорить о Боге без всяких обиняков.

Впрочем, оговоримся: не всякая наука, по мысли В. Н. Тростникова, на это способна. О филологии, электротехнике или экономике он ничего не пишет. Зато физика не только может, но и должна – ведь она «была создана Ньютоном как средство познания Бога» (с. 185)! И биология может, только погрязла она в болоте «атеистической псев-

донаучной концепции – дарвинизма» и без помощи В. Н. Тростникова никак ей не обратиться. И еще некоторые... могли бы, если бы не застилал им взор атеистический дурман.

Не прельщаясь славой автора «Анти-Дюринга», мы не будем методически следовать на ходом размышлений В. Н. Тростникова (хотя соблазн и велик). Попытаемся понять: каким же образом могла зародиться мысль, что наука призвана доказывать Бытие Бога?

Хотя образец богословского сциентизма, представленный автором, в отечественной традиции достаточно оригинален (на Западе таких книг гораздо больше), его, как и другие сходные построения, питает, в сущности, одна и та же мысль. Ее с замечательной простотой высказывает сам автор: «Так-то оно так, но все же в живой природе само собою все так разумно устроиться не могло» (с. 66). Действительно – куда ни глянь, все чрезвычайно разумно устроено в живой природе, да и в неживой, в общем-то, тоже все неплохо придумано: законы, закономерности, взаимосвязь, подчиненность и т.п. Как тут не подумать о Вселенском Разуме, который все это устроил! Что ж, закономерность появления этого вопроса не вызывает сомнения, равно как и плодотворность попыток ответить на него, вот уже тысячи лет предпринимаемых богословием и философией.

Но то, что свойственно религиозному чувству и спекулятивному разуму, может ли составлять область действия науки? По нашему глубокому убеждению – *нет*, не может. Задачи науки куда скромнее, чем разрешение «самых важных вопросов», к чему настойчиво призывает ее В. Н. Тростников, и такие понятия, как добро, справедливость, красота, на которых строится наше мировоззрение, выходят за пределы ее компетенции. Да и методы науки совершенно не пригодны для этого. Ведь ее основными средствами являются *логическое доказательство* (и *опровержение*) и *экспериментальное подтверждение*. При помощи логики можно доказать теорему Пифагора, но будет ли она свидетельствовать о Боге? – Нет. При помощи логики и эксперимента можно доказать закон Архимеда, но будет ли он говорить о сущности Бытия? – Нет. Любая логически построенная теория, опирающаяся на факты, может быть опровергнута появлением новых, противоречащих ей фактов. Приложимо ли это к познанию Бога? ...

Со времени Канта к логическому доказательству Бытия Бога всерьез уже никто, кажется, не обращался, но В. Н. Тростников показывает, что Кант был и остается самым малочитаемым философом в России. «Если допустить в картине мира наличие Бога..., то никаких логических затруднений не будет» (с. 135), – вот как просто снимается им вся критика чистого разума. Об абсурдности научных экспериментов в постижении Бога и говорить как-то неловко, настолько это кажется явным. Но В. Н. Тростников в погоне за призраками «научных» подтверждений своей веры проносится мимо этих совершенно очевидных истин. – Вот-де, физикой открыта Волновая Функция, на которой

основаны ныне многие физические теории. Сама же она – «чисто абстрактная, логическая конструкция», недоступная ни чувственному восприятию, ни фиксации какими-либо приборами» (с. 151), т.е. к материальному бытию никак не относящаяся. Следовательно, считает автор, она есть проявление чистой, ненаблюдаемой онтологии и прямо говорит о бытии Бога. Трудно понять, почему математик, постоянно оперирующий с абстракциями, до сих пор не понял, что большинство из них также не имеет соответствия в реальном мире. Чему, например, в материальном мире соответствует число π или квадратный корень, или интеграл? Отчего же их не привлечь в качестве еще одного доказательства?... Но здесь опять уступка чувству: автор выбирает не любые абстракции, а только «фантастически сложные», и не все закономерности, а преимущественно недавно установленные. Выходит, что если что-нибудь устроено достаточно просто, либо мы это уже давно знаем, то о Боге здесь говорить не приходится, если же что-нибудь открыто недавно, да еще и «фантастически сложно», то тут уж без Творца не обошлось. Странные мысли приходят перед рассветом В. Н. Тростникову...

Не менее интересны взгляды автора на биологию. Обрушив поток брани на дарвинизм, который, якобы, исходит «не из фактов, а из идеологической установки» (с. 74), и вообще не является научной теорией, автор приводит массу свидетельств, противоречащих, по его мнению, дарвинистской теории (только кем, интересно, они были открыты?). Например: существование гомогенных рядов, явление преадаптации, полиморфизм видов, пассивная роль отбора, географический параллелизм и т.д. Даже если согласиться с тем, что все это противоречит дарвинизму (?), то и в таком случае эти факты могут говорить лишь о том, что теория Дарвина устарела, что она учитывает далеко не все явления (да ведь и прошло уже 100 лет), что необходима ее модификация, либо построение другой *научной теории*. Но В. Н. Тростникову ясно совсем другое – раз дарвинизм не может чего-то объяснить, значит: а) он не наука; б) Бог существует. Удивительно, но автор, похоже, всерьез считает, что дарвинизм принимается учеными только в результате усилий атеистических пропагандистов! Между тем и многочисленные противники Дарвина, например, академик Л. С. Берг, стремились опровергнуть научную теорию, а не доказать существование Всевышнего. Да и со стороны Церкви мы что-то не слышали ликования по поводу открытия преадаптации и тому подобных явлений. Здесь, впрочем, ситуация ясна: тех, кто искренне и глубоко *верит*, может ли укрепить в вере раскрытие еще одной «загадки природы»?

Итак, мы подошли к ответу на первый вопрос. Книга В. Н. Тростникова построена на недоразумении, проистекающем из полного непонимания характера и задач науки, с одной стороны, и философии и религии – с другой. Есть, однако, еще одно добавочное соображение. Судя по возрасту В. Н. Тростникова (род. в 1928 г.), он начал свою науч-

ную деятельность в самый разгар пресловутой НТР, в конце 50-х годов. Тогда лозунги пропагандистов от науки действительно звали разрешить все тайны Вселенной и человеческого бытия, и масса талантливых юношей свято верила во всемогущество науки. Но годы шли, желаемая ясность не наступала, и вслед за разочарованием в лозунгах пришли поиски других решений. С нашей точки зрения, было бы безумием отрицать их, но ведь это действительно *другие решения*. Сошлемся на мнение авторитетного православного философа – прот. В. Зеньковского: «Христианское учение о мире не конкурирует с научными достижениями, вообще не претендует на то, чтобы заменить их», и далее: «заметим, однако, что христианство не выдвигает никакого *обязательного* учения о мире».¹ Но это христианство не выдвигает, а В. Н. Тростников – выдвигает, да еще и в весьма категорической форме.

Впрочем, его взаимоотношения с христианством и без того достаточно сложны. Понять, принадлежит ли автор к какой-нибудь конфессии, весьма трудно. Создается впечатление, что он просто во *что-то* верит, а чем подтверждать свою веру – ему совершенно безразлично. Шаманский ритуал, австралийские мифы, индийский эпос, русская волшебная сказка, африканские легенды, китайская философия и научные открытия кажутся ему одинаково богооткровенными. Эти черты неразборчивости, безвкусицы и культурного эклектизма характерны, однако, не только для В. Н. Тростникова, – они отличают и значительную часть российской интеллигенции, обращающейся ныне к религии.

Там, где автор книги выходит за пределы своей научной компетенции, он проявляет не только сомнительную мировоззренческую трактовку некоторых вопросов, но и попросту – изрядное невежество (несмотря на видимую осведомленность), оттеняемое к тому же серьезным тоном духовного учителя. За недостатком места предоставим только кратенькую подборку высказываний В. Н. Тростникова:

«Известно, что дух эпохи всегда лучше других выражают художники» (с. 21).

«Для гуманизма существует только телесный, физический, физиологический человек. Духовная, нравственная, высшая сторона человеческого «я» им попросту игнорируется» (с. 23).

«В муках размышлений о Боге и созданном им мире рождалась новая физика» (с. 136).

«Исходя из учения о жизни природы, выраженного в мифе... первобытные общества сумели достигнуть изумляющего нынешних экологов успеха в сохранении окружающей среды» (с. 239-240).

¹ Прот. В. Зеньковский. *Основы христианской философии*. Т. 2. С. 5 (разрядка моя. – К. Л.).

«Богооткровенная истина, закреплённая в мифе... обеспечила выживание человечества на протяжении десятков тысяч лет» (с. 241-242).

«Прометей дарит людям «науку чисел», откуда можно заключить, что он... является выдающимся математиком» (с. 313).

Завершить эту серию может блестящее объяснение причин падения Римской империи: просто «людям Империи *стало тошно жить на свете*» (с. 351).

Это высказывания, не нуждающиеся в комментариях. Но есть и другие, которые требуют хотя бы короткого пояснения.

«Своей громкой известностью Макиавелли обязан... лаконичному тезису «цель оправдывает средства» (с. 17). – Провозглашено не Макиавелли, а орденом иезуитов.

«Понятие иррационального числа явилось венцом двухтысячелетнего развития математики» (с. 139). – Иррациональность $\sqrt{2}$ была открыта пифагорейцем Гиппасом около 480 г. до н. э. В «Теэтете» Платона обсуждаются уже иррациональные числа от $\sqrt{3}$ до $\sqrt{17}$.

«На базе мифа возникли все космологические системы античной философии» (с. 214). – Космологические системы Анаксимандра, Пифагора, Парменида, Гераклита, Анаксагора, Платона, Аристотеля и других возникли на базе философии и науки, а не мифа.

Этот ряд можно продолжать ещё очень долго... С такими или примерно с такими познаниями В. Н. Тростников решается судить о сложных историко-культурных вопросах, причем судить с изрядным апломбом. Он не стремится даже опереться на признанные научные авторитеты в этих областях: так, свои суждения о Платоне он основывает на совершенно безответственных спекуляциях А. Ф. Лосева, которые могут только запутать вопрос, а не прояснить его. В основном же В. Н. Тростников основывается на собственных знаниях.

Рассмотрим лишь одно из его построений – концепцию развития науки. Наука начинается, по мнению В. Н. Тростникова, с конца XVI – начала XVII в., а именно – с Фрэнсиса Бэкона. Почему автор выбирает именно эту точку отсчета, становится ясным, когда он напрямую связывает рождение науки с появлением «идеологии бездуховности», с «изгнанием Бога из картины мира». Таким образом, геометрия Евклида, логика Аристотеля, механика Архимеда либо не наука, либо они связаны каким-то непостижимым образом с идеей бога (Зевса? Аполлона? Гермеса?). К сожалению, никаких объяснений по этому поводу автор не даёт. Зато на Ф. Бэкона взваливается непосильное бремя ответственности: это он был провозвестником бездуховности, это он учил, что человеческий разум может познавать Природу, не прибегая к понятию Бога, это он... Браня Бэкона за излишнюю индукцию, а Декарта – за чрезмерную дедукцию, В. Н.

Тростников подымается иногда до замечательных обобщений: «Случайно ли эти люди были шельмами – интриган Макиавелли, взяточник Бэкон, стяжатель Вольтер, нахлебник Гоббс?» (с. 55).

По мысли автора, вина ученых и философов Нового времени состоит в том, что они: а) боролись за автономию научного познания; б) считали, что Вселенная – это единый механизм, сходный с часами; в) утверждали, что человек сходен с бездушным автоматом; г) подорвали веру в Бога. Если разобрать эти прегрешения по существу, то становится ясным, что большая их часть – плод незнания автором самых общих контуров развития европейской культуры.

Во-первых, принципы автономии науки получают распространение еще в XII в., по мере знакомства с естественнонаучными работами Аристотеля. С разной степенью последовательности они проводились Сигером Брабантским, Фомой Аквинским, Роджером Бэконом (последнему, например, принадлежит утверждение «опытная наука – владычица умозрительных наук») и другими философами средневековья. Заслуга Фрэнсиса Бэкона не в том, что он выдвинул теорию «двух истин» – научной и религиозной, а в том, что он усилил значение первой при видимом равнодушии ко второй, но отнюдь не отказе от нее.

Во-вторых, представление о физической однородности Вселенной и детерминированности процессов, происходящих в ней, появляется еще в рамках схоластической философии XIV в. – Уильям Оккам, Жан Буридан, Альберт Саксонский, Николай Орем, – предвосхищая философский деизм последующих веков и научные теории Бруно, Коперника и Галилея. Интересно, что Ньютона, окончательного творца механической Вселенной, В. Н. Тростников исключает из числа «идеологов бездуховности» на том основании, что он не признавал-де окончательного детерминизма во Вселенной и помимо науки занимался еще и толкованием Апокалипсиса и ветхозаветных пророков. Но дело ведь не в личных пристрастиях и увлечениях Ньютона, а в том, что его *механическая* модель Вселенной стала основой для развития естествознания и философии на 300 лет вперед, чем никогда не могли стать его герменевтические спекуляции.

В-третьих, взгляд на человека как на бездушный автомат, который автор приписывает Декарту, совершенно ошибочен. Декарт считал, что человек тем и отличается от животных, чье поведение детерминировано и может быть описано при помощи механических закономерностей, что он обладает *душой*, данной ему Богом. Каким образом можно считать философа, который утверждал, что Дух есть независимая от материи субстанция, занимался доказательством бытия Бога, провозгласил, что мышление есть основа человеческого бытия, – «идеологом бездуховности» – понять трудно.

И, наконец, в-четвертых, великие ученые XVI–XVII вв. – Галилей, Коперник, Кеплер, Паскаль, Ньютон, Лейбниц – отнюдь не были атеистами. Но их научные достиже-

ния были сделаны *независимо* от их религиозных убеждений и лишь впоследствии были взяты на вооружение механистическим материализмом. Так, атеизм, в тех или иных формах широко распространенный во Франции XVIII в., был посеян не научными теориями, а усилиями просветителей – публицистов, философов, писателей – таких, как Гельвеций, Гольбах, Руссо, Дидро, Вольтер, Монтескье, Даламбер, которые профессионально естественными науками не занимались. Между тем в Англии, где наука была развита не меньше, но не было широкого просветительского движения, позиции религии во многом оставались не поколебленными. Этот факт еще раз свидетельствует об автономии научного познания, которое может сочетаться как с глубокой религиозностью (Паскаль), так и с последовательным атеизмом (Рассел).

Таким образом, основные обвинения, предъявленные автором книги новоевропейской науке, не выдерживают даже самой общей критики. Это, впрочем, вполне естественно, поскольку (здесь мы приближаемся к ответу на второй вопрос) В. Н. Тростников, претендуя на обладание некоторыми *духовными* истинами, стремится поколебать с их помощью истины *научные*, причем в сферах, далеких от его профессиональной компетенции. Увы, даже самая горячая вера не может заменить автору недостаток твердых знаний в этих областях.

Итак, в чем же заключается смысл книги В. Н. Тростникова? Если он лежит в основной идее, к которой хочет склонить нас автор, то ошибочность его позиции достаточно показана, как нам представляется, нашим предыдущим изложением. Чтобы окончательно рассеять сомнения, обратимся еще раз к авторитету православного мыслителя:

«Мы достаточно говорили... об одинаковой с методологической точки зрения законности двух путей в знании – как знания, исходящего из веры в Бога, так и знания, игнорирующего свет веры. Это, конечно, очень тягостный «культурный дуализм»... но, требуя свободы для христианского... миропонимания, мы защищаем свободу и для той научной мысли, которая развивается вне христианства».²

Нам, однако, кажется, что в работе В. Н. Тростникова есть более глубокий смысл. Она свидетельствует о том, что движение, названное Русским Религиозным Возрождением (к которому эта книга несомненно принадлежит) развивается как в условиях глубокого *разрыва* с предшествующей ему культурной и религиозной традицией, так и в значительной изоляции от традиций Запада. Человек, воспитанный в православной вере, не стал бы писать такую книгу, равно как не стал бы этого делать современный протестантский богослов. Ее появление возможно только в сегодняшней России, где поиски веры идут во многом на ощупь, через повторение уже пройденных путей, через ре-

² Прот. В. Зеньковский. Ук. соч. С. 9.

цепцию восточной философии и мистики, и чаще всего – в одиночку, внецерковным путем. Может быть, поэтому наше Возрождение так бедно на собственных философов, в отличие от «серебряного века», давшего плеяду замечательных русских философов и богословов – от В. Соловьева до П. Флоренского.

Но и у тех, кто в меру собственных сил и способностей пытается сейчас осмыслить сущность Бытия и человеческой жизни, хотелось бы видеть больше глубины, ответственности и осторожности, чем проявил их автор «Мыслей перед рассветом».

К. Левин